

(грубошерстный пиджак), надел холщовые штаны и картуз и, по совету деда, двинулся на север. Идти пришлось лесом, где меня на третий день задержали красноармейцы, отвели в село Веприк и сдали в Особый отдел. Там раздели до гола, дали старую телогрейку и ватные штаны, а мою одежду всю перещупали, распороли швы – нет ли какой-нибудь бумаги: они приняли меня за связного. Дали заполнить анкету, в ней было 82 вопроса. Кроме обычных вопросов, – имя, фамилия, год рождения, место рождения, служил ли в белой армии, сколько земли было до революции и т.д. и т.п., там были и каверзные, типа: «как попал в окружение, плен, кого считаешь виноватым в этой ситуации, какие слышал высказывания по поводу отступления, кто и что говорил» и т.д.

Я сидел в комнате кирпичного дома с решеткой на окне. Часовой приносил в котелке поесть и на другой день, увидев на столе незаполненную анкету, спросил, почему не заполнил. Я объяснил, что не знаю, что писать. Он сказал: «Слушай, земляк, ты из Харькова, а я из Комаровки, под Харьковом, а потому советую писать, что никого не слышал, не видел, сам во всем виноват; говорят, что ты «самострел» и тебя будут судить». Я объяснил ему, что ранен осколком и потому не могу быть «самострелом».

Анкету я, по совету земляка, заполнил «как надо», и передал осбисту. Он вызвал меня на допрос и сказал, что я очень ловко заполнил анкету, но данные медосмотра подтвердили, что ранение осколочное и потому направляет меня в санчасть.

В санчасти сперва испытывали мою руку – кололи иглой, прижигали папиросой – все пальцы, кроме мизинца, не чувствовали ничего. Главврач написал: «Направить в нестроевую». Оставили меня при санчасти, потом направили в БАО – батальон аэродромного обслуживания, но вскоре случилось новое отступление, и